

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ВОЕННОЙ РЕФОРМЕ ПЕТРА I

ХАРЧЕНКО Любовь Николаевна

доктор исторических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»

г. Ростов-на-Дону, Россия

Настоящая статья посвящена участию православного духовенства в реформаторской деятельности Петра I, а именно – в проведении одной из самых значимых реформ – военной, на одном из важнейших ее участков, связанных с обеспечением деятельности военно-морского флота. Проанализированы обстоятельства участия православного духовенства в данном процессе, выявлены крупнейшие представители духовенства и обозначен их вклад. Сделаны выводы о роли православного духовенства в значимых для Российского государства преобразованиях первой четверти XVIII в.

Ключевые слова: военная реформа, православное духовенство, военно-морской флот, Морской Устав, обер-иеромонах, проповедничество.

В мае текущего года отмечается 350-летие Петра I, изменившего ход российской истории существенным образом. Оценочные суждения по этому поводу уже длительное время носят диаметрально противоположный характер. Тем не менее эпоха Петра I, известная своими преобразованиями и ознаменовавшая рубеж XVII-XVIII вв., оставила глубокий след в истории России и в определенной степени стала переходной. Изменения, произошедшие в ее ходе, являют собой характерные черты переходной эпохи, как-то: слом коренных устоев и ценностных установок, изменение картины мира, формирование нового мировосприятия и др. [3, с. 114]. Глобальные реформы начала XVIII в. затронули все сферы жизнедеятельности государства, потому их нередко сравнивают с революцией, а царя-реформатора называют революционером на троне [11, с. 130].

Одной из крупнейших является военная реформа Петра I, в процессе которой фактически были созданы регулярная российская армия и флот, способные решать важнейшие задачи. При этом пролонгированность реформы свидетельствует не только о масштабах ее осуществления, но и о ресурсах, потребовавшихся на ее реализацию, и о законодательном обеспечении. Общеизвестно, что большую роль в реформаторской деятельности царя играли его сподвижники и единомышленники. Тем не менее участие православного духовенства в данном процессе, на наш взгляд, освещена недостаточно.

Приступая к рассмотрению данной проблемы, отметим, что православное духовенство оставило свой след в нескольких аспектах реформы, таких как: идеологическое и кадровое обеспечение, законодательная деятельность. Уточним, что в своей преобразовательной деятельности Петр I опирался на малороссийское православное духовенство, получившее образование в учебных заведениях Западной Европы и лучше, чем московское духовенство понимавшее, начатые им реформы. Все крупнейшие реформы первой четверти XVIII в. осуществлялись при активном содействии малороссиян Феофана (Прокоповича), Стефана (Яворского), Феодосия (Яновского) и др.

Феофан (Прокопович) – один из ближайших сподвижников Петра, специалистом в военной сфере не являлся, но был привлечен царем к разработке отдельных аспектов подготовки и проведения реформы. Прокопович, по свидетельству его современников и историков, был человеком разносторонне образованным, достаточно энергичным и хорошо владел пером. По поручению Петра «...писал уставы и законоположения, относившиеся к другим сферам государственного порядка» [10, с. 340]. Так, известно, что Петр доверил ему написать предисловие к Морскому уставу [10, с. 345], где затрагивались исторические аспекты, предшествовавшие созданию российского флота. Данный текст, предварявший основные положения Устава, не только подчеркивал значимость военно-

морской службы для защиты Отечества, но и обращал внимание на роль династии Романовых в истории России.

Морской устав Петра I (13 января 1720) стал документом, на основе которого до конца XVIII в. действовал российский флот. Считается, что он заложил традиции военно-морской службы, а некоторые принципы, сформулированные в нем, стали незыблемыми. Например, в разделе «О флагах и вымпелах ...» сказано о том, что: «Все воинские корабли Российские не должны ни перед кем спускать флаги» [5, с. 3485].

В целом Устав объединял пять книг, регламентировавших всю флотскую службу. Сплоченности и единству на корабле придавалось большое значение, так как они являлись залогом успеха в решении боевых задач в военных походах. Корабельные священники должны были оказывать существенную помощь командованию в этом отношении. Регламентации должностных обязанностей военно-морского духовенства была посвящена глава IX «О священниках» (Книга III). В ней обозначалась иерархия корабельного духовенства и выделялась должность обер-иеромонаха, который размещался на корабле Аншеф командующего и управлял всеми священниками на флоте [5, с. 3485], как-то: контролировал тщательное исполнение ими должностных обязанностей.

Кроме того, в данной главе говорилось о том, что священник должен был олицетворять собой пример для команды корабля не только в выполнении должностных обязанностей, но и в повседневной жизни «... содержать себя добрым христианским житием, во образ всем ... не прельщать людей непостоянством, или притворною святостию, бегать корысти, яко кореня всех злых» [5, с. 3485]. В период с 1721-1730 гг. военно-морское духовенство находилось в ведении Св. Синода.

Стоит отметить, что военно-морское духовенство стало формироваться Указу Петра I в 1718-1719 гг., то есть до принятия Морского устава, когда осуществлялась конкретизация штатного расписания военных кораблей. Согласно Уставу, на каждом корабле должен был находиться иеромонах. На время походов для наблюдения за корабельными священниками назначались обер-иеромонахи. Как правило на это были представители мо-

нашествующего духовенства, но иногда их занимали вдовые священники. Так, в первой четверти XVIII в. обер-иеромонахами служили в составе:

– Ревельской эскадры – Гавриил (Бужинский, 1719-1721), Рафаил (Заборовский, 1720-1721);

– Котлиндской эскадры – Макарий (Хворостин, 1720), Маркел (Радышевский, 1721);

– Галерного флота в Або и сухопутного Финляндского корпуса – Иннокентий (Кульчицкий, 1718-1721), Стефан (Прибылович, 1721); и др. [2; 1, с. 9-11; 6, с. 211; 7, с. 16; 8, с. 16; 12; 13; 9, с. 412].

Можно отметить, что многие из представителей флотского духовенства оставили значительный след в истории России. Это: Гавриил (Бужинский), Иннокентий (Кульчицкий), Рафаил (Заборовский), Лаврентий (Горка) и др. Так, Гавриил (Бужинский), являвшийся воспитанником Киевской академии, получил широкую известность благодаря ярким проповедям, отличавшимся красноречием и логикой построения. Петр I вызвал его в Александро-Невскую Лавру, а в 1714 г. назначен префектом Славяно-Греко-Латинской академии (СГЛА). В 1719-1721 гг. Бужинский получил служил в должности обер-иеромонаха флота. Проповеди, произнесенные им на кораблях, были приурочены к конкретным событиям, отличались злободневностью и проникновенностью. По приказу Петра они были напечатаны отдельными изданиями [2, с. 74].

Иннокентий (Кульчицкий), воспитанник Киевского коллегиума (позже – Академия), был вызван в Москву в 1710 г. для преподавания в Славяно-Греко-Латинской академии (СГЛА), а в 1719 г. – в Петербург в Александро-Невский монастырь, где готовилось духовенство для флота. Вскоре его назначили иеромонахом на корабль «Самсон», находившийся в Ревеле, а затем – обер-иеромонахом в финляндский корпус. Кульчицкий стал одним из первых обер-иеромонахов, совместивших служение в сухопутном корпусе и на флоте. Его неординарность и способность к изучению языков были замечены и оценены Петром I. В 1721 г. Иннокентия произвели в сан епископа Переяславского (в присутствии Петра I) и назначили начальником русской духовной

миссии в Китай. Некоторые исследователи ошибочно считают, что Иннокентия произвели в архимандриты специально для данной миссии [1, с. 11], но это не так. Именно тот факт, что Иннокентий (Кульчицкий) являлся епископом стал прецедентом для того, чтобы китайская сторона отказала ему во въезде на свою территорию. Следовательно, порученную Петром I миссию по налаживанию дипломатических отношений с Китаем, Иннокентий не смог выполнить. Несколько лет он жил вблизи границы (временная резиденция – Селенгинский Свято-Троицкий монастырь), а затем в 1727 г., уже после смерти Петра, был определен епископом Иркутским и Нерчинским. В этой должности он сыграл большую роль в распространении христианства и просвещения в Восточной Сибири, за что и был впоследствии канонизирован [12].

Можно говорить и о других представителях духовенства, деятельность которых в первой четверти XVIII в. была связана с флотом. Так, например, Феодосий (Яновский), находясь в Новгороде (1704-1708), занимался благотворительностью, открывал школы, госпитали, дома для сирот. В 1708 г. с подачи Петра I, он был переведен на должность духовного судьи и отправлен в командировку в города, отвоеванные у шведов: Нарву, Шлиссельбург, Копорье, Ямбург для инспектирования, находившихся там православных храмов, составления реестра церковно-священнослужителей, освидетельствования их деятельности и проверки соответствующих документов и т. д.

Лаврентий (Горка) руководил флотом в Персидском походе (1722-1723), а также был духовным наставником императрицы Екатерины I. С 1723 г. он продолжил деятельность в сане епископа Астраханского и Ставропольского (1723-1727). Судьба иеромонаха Симона (Кохановского), талантливого переводчика и проповедника, сложилась диаметрально противоположным образом. Его взгляды не совпадали с мнением крупнейших представителей Церкви. Он попал под следствие и в 1722 г. был сослан в монастырь.

Достаточно интересным представляется вопрос подбора кандидатов для замещения должностей флотского духовенства. Он являлся особой заботой Петра I, который поручил

его Феодосию (Яновскому), настоятелю специально основанного в Петербурге Александро-Невского монастыря. Масштабность реформы, необходимость успешной и ускоренной реализации предполагали ее поддержку в обществе. Такую поддержку могла обеспечить хорошо подготовленная идеологическая база. В этом процессе достаточно успешно работали крупнейшие проповедники и мастера слова:

– Стефан (Яворский), творческое наследие которого составили 29 проповедей, посвященные победам русской армии при взятии Шлессельбурга, Нарвы, Риги, в Полтавской битве, доказывавшие необходимость заведения флота на Балтийском море и др. [9, с. 414];

– Феофан (Прокопович), посвятивший победам Петра ряд своих произведений, изданных не только в России, но и за рубежом (СПб. 1725; М. 1726; Ревель. 1726; Гамбург. 1743) [2, с. 684];

– Гавриил (Бужинский), по поручению Петра не только составлявший службы по поводу побед в военных походах, но и редактировавший произведения аналогичной значимости произведения, подготовленные другими авторами [2, с. 75; 4, с. 30];

– Феофилакт (Лопатинский), ректор СГЛА с 1708 г., лично произносил и писал проповеди, службы и разного рода хвалебные слова по поводу военных побед и свершений Петра, и инициировал подготовку студентами Московской Академии (ранее – СГЛА) книги приветствий «Полтавская Апофеосис достохвальная храбрости Всероссийского Геркулеса ...» [2, с. 704].

Таким образом православное духовенство сыграло важную роль в проведении военной реформы Петра I в целом, и в создании, и укреплении военно-морского флота, в данном случае. При этом, его участие отмечено на всех этапах реформы, как-то: в процессе разработки законодательной базы, подготовки кадров флотского духовенства, идеологического обеспечения не только обстоятельств, связанных с военно-морским флотом, но и всей деятельности монарха в военной сфере. Именно такое участие духовенства, направленное на позитивное восприятие реформ (проходивших при больших затратах и финан-

совых средств, и людских ресурсов), укрепляло их значимость в обществе, способствовало формированию благоприятного климата и воспитания патриотических чувств. Можно

утверждать, что именно с эпохи Петра I на государственном уровне начинает обращать внимание на важность воспитательного значения слова в армейской среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бландов А.А. Обер-иеромонахи в российском военно-морском флоте XVIII в. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – Вып. 12. – С. 7-14.
2. Болховитинов Е. Словарь исторический о бывших российских писателях духовного чина Греко-российской церкви. – СПб. – 720 с.
3. Бурькина Н.Б. Переходная эпоха и рефлексия исторического процесса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 118. – С. 109-118.
4. Василик В.В. Северная война в гимнографических памятниках Петровской эпохи // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: м-лы междунар. науч. конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2006. – СПб., 2007. – 331 с.
5. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. VI. 1720-1722. – СПб., 1830. – 820 с.
6. Полцов А.А. Русский биографический словарь. В 25 т. – СПб. Т. 4. 1914. – 494 с.
7. Полцов А.А. Русский биографический словарь. В 25 т. – СПб. Т. 8. 1897. – 756 с.
8. Полцов А.А. Русский биографический словарь. В 25 т. – СПб. Т. 10. 1914. – 846 с.
9. Полцов А.А. Русский биографический словарь. В 25 т. – СПб. Т. 19. 1909. – 608 с.
10. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н.И. Костомаров: в 3-х томах. 1992. Т. 2. – 700 с.
11. Сергейцев Т.Н., Куликов Д.Е., Мостовой П.М. Идеология русской государственности. Континент Россия. – СПб., 2020. – 688 с.
12. Харченко Л.Н. Пекинская духовная миссия как проводник российско-китайских культурных контактов (XVIII-первая пол. XIX вв.) // Россия, Запад и Восток: история взаимоотношений. Материалы 29-й Всероссийской заоч. науч. конференции. – СПб., 2003. – 266 с.
13. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. – СПб., 1868. – 762 с.